

“ВЛАСТЬ ЖЕНЩИН” В РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ?

Критический взгляд на исторические представления о “женах цезарей”

*Thomas Späth. “Frauenmacht” in der frühen römischen Kaiserzeit?
Ein kritischer Blick auf die historische Konstruktion der “Kaiserfrauen”.*

In: M.H.Dittenhofer (Hg.). Frauen und Männerdomänen.

Köln (Böhlau), Publikation vorgesehen

© Thomas Späth, 1994

Перевод Т.И.Дудниковой

Обольстительные и гнусные, из жажды власти готовые на убийство и непристойно сладострастные или же по-матерински заботливые и поддерживающие своих супругов, верные и мужественные – таковы грани образов римлянок в трудах римских авторов, писавших о первом веке нашей эры. Ни в чем не уступают им их “коллеги” из XIX и XX вв.¹: суровый стиль исторических сочинений приобретает романическую легкость, когда доходит до описания супругов, дочерей и возлюбленных первых римских императоров. “Август, – пишет Э.Корнеманн, – рациональный, как лед холодный государственный муж, однажды стал добычей любви, и любовь к Ливии навлекла на его государство страшное несчастье, причина которого – господство женщин” (Kornemann, 1947 [1942], p.250). Его наследника Тиберия, “самого мужественного из всех римских мужей”, Корнеманн видит “постоянно осаждаемым женщинами, причем не самыми приятными. Вдовец, окруженный четырьмя вдовами, каждая из которых была снедаема жадой власти и в вечной игре интриг стремилась превзойти самое себя и оттеснить других, – в такой атмосфере и простому смертному было бы не по себе, не говоря уж о властителе”

¹ Кавычки означают, что об общности профессии не может идти речь – утверждение, кажущееся банальным; различия между античной и современной историографией мимоходом признаются в современных исследованиях по истории древнего мира, однако выводы из этого делаются редко. Предлагаемый текст представляет собой попытку проследить эти различия. К вопросу о понятии истории в античности см. Moles, 1993, p.88–121. Э.Флайг (Flaig, 1992, S.15) занимает четкую и недвусмысленную позицию по этому вопросу и отказывается от использования понятия “историк” по отношению к античным историографам. Я принимаю его аргументацию, но не такое понятийное решение: исторические понятия должны принципиально по-новому определяться для каждой данной ситуации.

(Kornemann, 1934, S.85, 88). Почти за два тысячелетия до Корнеманна Тацит² пишет “Анналы”, историю первых римских императоров после Августа, где он характеризует Ливию как *mater muliebri inpotentia*, “мать с ее женской безудержностью”, которая навязала целому государству *serviendum feminae*, “рабское повиновение женщине” (Тас. Ann., 1,4,5). Подобным же образом Тацит сообщает, что Мессалина *per lasciviam*, “своенравно” вела свою игру с римским государством (Тас. Ann., 12,7,3), что Агриппина старшая, внучка Августа, была властолюбива (Тас. Ann., 4,12,3), а ее дочь, носившая то же имя, не только “соблазнила” на брак императора Клавдия, своего дядю, но и целенаправленно использовала свое “бесстыдство” и супружеские измены для достижения и укрепления своего господства (Тас. Ann., 12,3,1).

Кажется, что римский историк един с немецким историком-античником в том, что на империи лежит печать женской безнравственности, коренящейся в безграничной женской жажде власти. Однако впечатление обманчиво: при более пристальном сопоставлении античных авторов с историками (в том числе с немногими женщинами-историками) XIX и XX вв. проявляются существенные различия в описании женских образов и оценке их роли в период империи. Эти различия в женских портретах и являются предметом данной работы. Историческим трудам нашего столетия и тому, как изображаются в них римские женщины, посвящен первый раздел. Затем речь пойдет об античных авторах и описании женских образов в их исторических текстах. Сопоставление различных женских портретов подведет нас, наконец, к вопросу о реальной власти супруг и матерей первых римских императоров и к соображениям о том, как эта женская власть может быть оценена в адекватных понятиях в сравнении с политической властью мужчин.

1. РИМСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В НАУКЕ ОБ АНТИЧНОСТИ

В 1881 г. Людвиг Фридендер опубликовал “Очерки истории римских нравов” (Friedländer, 1922 [1881]). В четырехтомном труде разрабатывался пласт римской античности, совершенно необычный для исследований того времени: подход к римской истории как истории культуры, под которой Фридендер понимал “нравственно-эстетическое изучение древности”. Его “Очерки” – труд антиквар-

² Публий Корнелий Тацит – даты жизни этого римского историка неизвестны; предполагается, что он родился до 60 г. н.э. и умер после 120 г. Как почти все римские историки, Тацит, будучи сенатором, принимал активное участие в политических событиях: делать историю и писать историю в Риме воспринималось как необходимое единство; сохранилось три его небольших сочинения, а также крупные фрагменты обоих его главных трудов: “Анналов”, в которых изложена история Римской империи с 14 по 68 г., и “Истории”, описывающей период Флавиев, начиная с “года четырех императоров” – 69/70 – и до конца правления Домициана в 96 г. (до нас дошли лишь первые четыре из четырнадцати книг этого труда).

ный³: это педантично подобранная коллекция примеров из текстов и результатов археологических исследований. В главе, носящей название “Женщины” (Bd.I, S.267–317; приложения в Bd.IV, S.89–141), Фридендер при помощи впечатляющего количества выдержек из античных текстов прочерчивает жизненный путь римских женщин из верхних слоев общества – от воспитания девочек до положения супруг и матерей сенаторов и императоров. Он констатирует “самостоятельное и независимое положение женщин” времен империи, в чем для них заключалось, на его взгляд, “сильное искушение” “сбросить оковы, наложенные на них природой и обычаем, и устремиться за преимуществами, в которых им отказывает их пол, избрать для себя занятия, несовместимые с истинной женственностью” (Friedländer, 1922 [1881], Bd.I, S.294). Полная “эмансипация женщин” есть, по его мнению, результат процесса, в ходе которого “старое римское семейное право... было ослаблено и в конце концов полностью уничтожено”. Кульминацией этого процесса стали права собственности женщин на их имущество, а также их “в высшей степени самостоятельное положение” как в собственном доме, так и в государстве, где “на общественное положение римлянок едва ли еще распространялись хоть какие-то ограничения” (Friedländer, 1922 [1881], Bd.I, S.278, 281).

Сочинение Фридендера являет собой ранний пример того метода изложения, которым отмечена историография нашего столетия вплоть до последних публикаций (Bauman, 1992; Balsdon, 1962; Balsdon, 1979; Fau, 1978; Grimal, 1980 [1963]; Meise, 1969; Schuller, 1987; Sirago, 1983): постулируется, что на смену образу “нравственной” *матроны* времен республики приходит исчезновение строгих норм отношений в период поздней республики и всеобщая “безнравственность” времен империи, которая приравнивается к “эмансипации римских женщин”. Слово “эмансипация” означает, таким образом, уничтожение четкого общественного порядка и содержит негативный оттенок. Результатом этого процесса упадка представляется приобщение женщин к власти или даже “господство женщин”. Так, у Д.Болсона читаем: “Происходившие из аристократических семей, состоятельные, очаровательные, одаренные женщины, женщины без всяких моральных оков, исполненные жажды животного наслаждения, или жажды власти, или того и другого: широкая сцена позднереспубликанского общества давала им простор. С установлением империи возможность развернуться на широкой сцене оказалась для них ограничена, однако она существовала, если они по рождению принадлежали к императорской семье или были в нее приняты. Но в этом случае перед ними открывались еще большие возможности, чем прежде” (Balsdon, 1979, p.60; см. также Grimal, 1980 [1963], p.215; Förtsch, 1935, S.32; Marquardt, 1886, Bd.I, S.62). Подобное развитие

³ О понятии “антикварный” см. Momigliano, 1950.

“безнравственности” через “эмансипацию” к “власти женщин” доказывается исключительно на отдельных примерах периода поздней республики, прежде всего – из истории императорского дома Юлиев-Клавдиев⁴; в сохранившихся текстах мы встречаем описания женщин из высшего слоя общества и едва ли когда-либо – принадлежащих к низшим слоям. Но несмотря на эту замкнутость на отдельных фигурах, и притом аристократках, “женская эмансипация” преподносится как явление, характерное для всего общества. В большинстве публикаций понятие “эмансипация” применяется без четкого определения, что вряд ли оправдано для римского общества. *Emancipatio* – понятие, хорошо известное римлянам, правда, как обозначение вполне определенного юридического акта: освобождения сыновей, дочерей или внуков из-под отцовской опеки. Когда же современные авторы пишут об “эмансипации”, то из соответствующих контекстов можно догадаться, что они выводят это понятие из концептуальных связей теории и практики феминизма и понимают под ним освобождение от правовой и социальной ущемленности.

При описании процесса “освобождения римских женщин от зависимости” в качестве его признаков приводятся обычно три явления: улучшение правового положения в результате ослабления власти, которая распространялась на женщин; растущее число разводов и повторных браков; и, наконец, многочисленные истории о супружеской неверности в античных текстах, интерпретируемые как признак всеобщего падения морали и усиливающейся “безнравственности”.

1.1 Юридическая эмансипация римлянок?

“Все развитие римского частного права сводится... ко все большему правовому равенству женщины с мужчиной, которое в последний век республики было осуществлено за счет трех сил, до этого повелевавших женщиной: *patria potestas*, *manus* и *tutela mulierum*” (Förtsch, 1935, S.29–30). Барбара Ферч трезво констатирует то, что у других звучит с осуждением: так, по мнению Жерома Каркопино, “римская женщина времен империи, особенно периода Антонинов, пользовалась уважением и самостоятельностью, равными или большими, чем те, которых современный феминизм требует для наших женщин” (Carcopino, 1930, p.106ff).

Подобные сопоставления и утверждения о равноправии выглядят несколько смелыми, если мы представим себе правовое положение

⁴ Так обозначается семья первых римских императоров (или *principes*): диктатор Гай Юлий Цезарь усыновил своего племянника Октавиана Августа, который сделался первым римским *princeps*; вторым римским императором был приемный сын Августа Тиберий, сын его жены Ливии (от ее первого брака с Тиберием Клавдием Нероном); наследником Тиберия был его (приемный) внук Калигула, у которого трон унаследовал Клавдий (дядя Калигулы). Последним *princeps* из дома Юлиев-Клавдиев был Нерон, которого Клавдий усыновил как сына своей супруги Агриппины (от ее брака с Гнеем Агенобарбом).

римлянок в первом столетии после Рождества Христова⁵. Конечно, три названных Ферч правовых института, которым на протяжении всей своей жизни была подчинена римлянка, со времен поздней республики претерпели определенные модификации. В принципе, у отца была *patria potestas* (отцовская власть) над дочерью, у мужа – *manus* (супружеская власть) над женой, а по смерти этих носителей власти каждая римлянка находилась под *tutela mulierum* опекой ближайшего родственника по мужской линии – агната. Последний из этих институтов, опекунство в зависимости от пола, означал, прежде всего, ограничение дееспособности женщин в распоряжении имуществом⁶, что было вызвано заботой о сохранении фамильного состояния, отчуждению которого женщиной необходимо было воспрепятствовать. Можно констатировать ослабление этой формы опекунства: опека со стороны агната постепенно заменялась другими формами и предоставлением женщине определенного права голоса при выборе опекуна, а при императоре Клавдии она была полностью отменена⁷. Этот процесс следует понимать, с одной стороны, в контексте стремления императора поставить область, прежде регулировавшуюся внутрисемейными отношениями, под контроль государства (Hesberg-Tonn, 1983, S.57), с другой – как изменение в имущественных отношениях в аристократических римских семьях (Kreck, 1975, S.29–30; Hesberg-Tonn, 1983, S.56–57). Расширение имущественной и деловой правоспособности женщин – бес-

⁵ Принципиально важно учесть, что римское право не знало понятия “равенство перед законом”, а следовательно, и понятия “равноправие мужчины и женщины”; сам вопрос о правовом положении римлянки – совершенно современная постановка проблемы. Римская женщина всегда рассматривалась как составная часть большого целого, когда речь шла о личных правовых отношениях; исходным пунктом римского правового мышления является свободный римский гражданин, и потому понять правовое положение римлянки мы можем только в отношении к этому субъекту права.

⁶ Каждой женщине для заключения сделок, вступления в брак, в результате которого она подпадала под *manus* супруга, для составления завещания или получения наследства требовалось согласие опекуна. В принципе каждая женщина, не находившаяся ни под *patria potestas*, ни под *manus*, оказывалась под *tutela mulieris* (опекунство над женщиной, соответственно опекунство по признаку пола). См. по данной и далее рассматриваемым проблемам: Gardner, 1986, p.14ff; Hesberg-Tonn, 1983, S.47ff; Kreck, 1975, S.24ff.

⁷ Поскольку первоначально роль опекуна получал ближайший наследник, женщина в имущественных вопросах оказывалась под контролем именно того, кто естественно был лично заинтересован в сохранении семейного имущества; со времен поздней республики эта форма все чаще заменялась, с одной стороны, опекунством по завещанию (отец или супруг в своем завещании назначал опекуна или оставлял право его выбора за женщиной), с другой стороны – передачей опекунства в руки государственного чиновника. Ближайшего родственника, в отличие от опекунов, назначенных официально или в соответствии с завещанием – обе эти формы продолжали существовать и после ликвидации опекунства по родству по мужской линии, – можно было принудить в судебном порядке дать согласие на исполнение опекунских обязанностей.

спорно, побочное следствие изменения института опекунства по признаку пола, которое увеличило свободу действий для той группы женщин, которые, с одной стороны, располагали имуществом, с другой – не находились ни под властью отца, ни под *manus* супруга.

Последнему из этих условий отвечали почти все римлянки периода империи: они не находились под властью (*manus*) своих мужей. Старинная форма брака, при которой женщина освобождалась из-под власти отца, *patria potestas*, и переходила под власть супруга (*manus*), в ранней империи уже едва ли встречается. Это – второе существенное изменение в правовом положении римской женщины: в браке *sine manu*, т.е. в браке без юридической власти мужа над женой, существовало разделение имущества между супругами, женщина имела права наследования в семье своего отца, в то время как никаких притязаний на наследство между мужем и женой не могло быть (Kreck, 1975, S.17ff; Treggiari, 1991, p.32ff). По мнению Евы Кантареллы, результатом этой формы брака явились “личные равноправные отношения, основанные на взаимном желании супругов быть мужем и женой”, и она утверждает, что “очень редко в истории встречается отмеченное столь большой свободой представление [о браке и разводе], по крайней мере на юридическом уровне” (Cantarella, 1986 [1981], p.186–187). И Ги Фо также проводит сравнение с семейным правом своего времени: “В конце республики римлянка заключает брак в форме, подобной нашему раздельному владению имуществом: она управляет своим состоянием без контроля супруга, она свободно распоряжается своей личностью и своим имуществом” (Fau, 1978, p.10). В этих суждениях о “свободной женщине” упускается из виду, что эта независимость от супруга не означала для женщины независимости как таковой: в свободном от *manus* браке она оставалась под *patria potestas* своего отца. Таким образом, и установление свободного от *manus* брака можно рассматривать с точки зрения семейной собственности: имущество дочери, не переходящей под власть супруга, остается в наследном владении семьи ее родителей (Kreck, 1975, S.23–24).

Кроме того, именно в установлении брачных отношений *sine manu* можно усмотреть усиление отцовской власти, поскольку отец более не уступает своих прав по отношению к дочери ее супругу (Hesberg-Tonn, 1983, S.32ff; Mette-Dittmann, 1991, S.80–81). И потому трудно понять, как можно говорить об упадке *patria potestas*, способствовавшем улучшению правового положения женщин. Хотя известные полномочия, сохранявшиеся за отцовской властью, в период правления Августа перешли к чиновникам⁸, однако это ни в коей мере не способст-

⁸ Это особенно верно в отношении Августовых законов о разводе, которые ограничивали отцовскую власть и лишали отца полномочий в узко очерченной области. Метте-Диттманн (Mette-Dittmann, 1991, S.81ff, 204ff) показывает, что эти законы следует интерпретировать не столько как меры демографического

вовало расширению свобод женщин: их правовое действие было не отменено, а лишь воспринято другими субъектами права.

Правда, после того как Август в 18 г. н.э. издал свой закон о браке, у римлянок появилась возможность освобождаться как от отцовской власти, так и от власти опекунов: если свободная римлянка родила трех, а вольноотпущенница – четырех детей, она становилась *sui iuris* (в своем праве); таким образом она приобретала автономный статус личности и не подчинялась более ничьей власти. Предусмотренная этим законом “мера эмансипации” являлась своего рода вознаграждением для женщины, которая исполнила традиционно возложенную на нее задачу продолжения рода.

Обобщая сказанное, следует констатировать, что отмирание *manus* и утрата значения опекуинства по признаку пола восходят к изменениям в имущественном праве; единственная мера, действительно способствовавшая улучшению правового положения женщины, требовала от нее предварительного выполнения материнских обязанностей. Вывод об “эмансипации” римских женщин периода империи, сделанный на основании изменения юридических условий, на этом фоне едва ли выглядит убедительно.

1.2 Разводы и повторные браки

Итальянский исследователь Антонио Сальваторе, который рассматривает развод как “законную и официальную форму прелюбодеяния”, сравнивает римлянок – в уважаемом журнале по истории древнего мира, а не в каком-то специализирующемся на сенсационных исторических анекдотах издании – с “американками с Пятой авеню, которые навязывают мужьям тиранию своих долларов... Юридически эмансипированная и теоретически равноправная, она [римлянка] всякий раз заставляла мужа выполнять ее прихоти, если, имея более или менее солидное приданое, могла угрожать ему разводом, а тем самым и разорением” (Salvatore, 1954, p.261ff). “Произвол развода” и им “порожденное и вскормленное легкомыслие, с которым заключались и расторгались браки”, Фридлендер относит к “симптомам, которые позволяют сделать вывод о широком распространении безнравственности” (Friedländer, 1922 [1881], Bd.I, S.285). Более гибко высказывается Грималь, придерживающийся мнения, что разводы осуществлялись легко, “поскольку брак больше не был “самоценностью”, которой следовало подчинять свою личную жизнь”; и потому “историк может говорить об упадке – если не забывает, что все живущее, хотя бы в силу факта времени, движется к смерти. Римский брак не избежал действия этого закона” (Grimal 1980 [1963] p.85).

Тема упадка, в традиционной формулировке, предполагает, что римский брак и супружество действительно некогда были “самоцен-

---

или морального характера, сколько как политический инструмент усиления власти императора за счет отцов аристократических фамилий.

ностью”. Однако брак никогда не рассматривался в Риме как самоцель, а уже во времена республики и тем более империи имел ясную целенаправленность: он служил, во-первых, обеспечению политических союзов, а во-вторых – рождению законного потомства. И с чисто правовой точки зрения брак был абсолютно частным делом: он не фиксировался где-либо письменно, не требовал определенных ритуалов. Столь же прост был и развод как для мужа, так и для жены (или ее отца в случае, если она находилась в его власти): достаточно было объявить супругу о разводе (Gardner, 1986, p.83ff).

Политическое значение брака со времен основополагающих просопографических изысканий Фридриха Мюнцера широко признано исследователями: политические союзы и объединения, как правило, скреплялись соответствующими обручениями, браками и разводами. Мюнцер утверждает, что в первом столетии до Рождества Христова, столетии гражданских войн с их нагромождением безвременных смертей в среде знати, “забота о продолжении фамилии оттеснила на задний план все прочее, и особенно женщины находили в этом цель жизни. Старые семейные узы завязывались вновь, и повсюду протягивались новые нити; весь круг аристократического общества был в отношениях родства и свойства между собой и в конце концов стал просто одной большой семьей” (Münzer, 1920, S.425). Примером такого “переплетения нитей” между семьями к началу империи являются браки, которые первый император, Август, устроил для своей дочери: в возрасте двух лет Юлия была обручена с сыном Антония Антиллом (Cass. Dio, 48,54,4) – поводом для этого послужили попытки примирения отцов обрученных, – позднее последовали в общей сложности три брака: в четырнадцать лет она была супругой Марцелла, сына сестры Августа и потенциального наследника престола (Vell. Pat., 2,93,2; Suet. Aug., 63,2; Cass. Dio, 53,27,5); после его безвременной смерти Август осыпал своим верным соратником Марком Агриппу, женив его на своей теперь уже шестнадцатилетней дочери (Cass. Dio, 54,6,5) (правда, Агриппе, который был старше ее на 23 года, пришлось сначала развестись с племянницей Августа – Suet. Aug., 63,2); наконец, Август распорядился, чтобы после смерти Агриппы Тиберий, рассматриваемый в качестве наследника престола, развелся со своей женой Випсанией, чтобы стать третьим мужем вновь овдовевшей Юлии (Cass. Dio, 54,31,2; 54,35,4; Suet. Aug., 63,3; Suet. Tib., 7,4; Tac. Ann., 4,39,3; 4,40,6; Vell. Pat., 2,96,1)⁹. Юлия и ее супруги – лишь один пример того, как судьбы римских женщин и мужчин из высшего слоя определялись меняющимися политическими союзами и соответствующими разводами и новыми браками.

Наряду с этой формой политического значения брака следует учитывать и целевое назначение брака как института, в котором мужчи-

⁹ Критическая оценка последнего брачного эпизода и его интерпретация содержатся в работе: Sattler, 1962, S.1–36.

на приобретает законное потомство *“uxores liberorum quaerendorum causa ducere”* (жениться, чтобы иметь детей). Деторождение – не “частное” дело мужчины: рождение законных детей есть гражданский долг. О том, что в выполнении этого долга римские мужчины оказывали друг другу содействие, свидетельствуют некоторые анекдоты и юридические постановления: они сообщают о мужчинах, которые “заведомо плодовитую” супругу уступали другому¹⁰. Мы не можем здесь решить, сводится ли подобное поведение к немногим – и в силу их исключительности дошедшим до нас – отдельным примерам, или же его следует рассматривать как нечто повсеместно распространенное; однако из отдельных высказываний явно следует, что в представлениях римлян развод был связан с целью заключения нового брачного союза. Ясным указанием на отсутствие нравственных проблем по отношению к новой женитьбе являются законы о браке, изданные Августом. Они определяют брак и успешное производство потомства как долг, который уже больше не остается делом только гражданской морали римских аристократов: мужчинам в возрасте от 25 до 60, женщинам от 20 до 50 лет предписывалось в пределах определенного срока после того, как брак прервался (будь то в результате развода или смерти супруга), вновь жениться или выходить замуж (Mette-Dittmann, 1991, S.132ff; Baltrusch, 1988, S.162ff; Hopkins, 1965; Hopkins, 1983, p.85; Shaw, 1987; Garsney and Saller, 1987, p.131); для мужчин и женщин при этом были предусмотрены санкции в случае бездетности и привилегии при рождении законного потомства.

Юридические условия, которые делали возможным развод без каких-либо проблем для обоих партнеров, политическая функция брака, гражданский долг продолжения рода и, наконец, законы, принуждавшие к повторному браку, – эти предпосылки позволяют трактовать многочисленность разводов и повторных женитьб и замужеств не как признак общественного разложения (и тем более не как средство в руках женщин, с помощью которого они осуществляли свою “эмансипацию”). Они должны способствовать пониманию того, что брак в римском обществе имел принципиально иное значение, чем заключаемый на всю жизнь, отмеченный любовью и согласием союз между женщиной и женщиной, – картина супружества, предлагаемая христианско-буржуазной идеологией. Однако именно эта картина совершенно очевидно стоит за приведенными выше оценками ситуации в Риме. Римское представление о браке, которое как нечто само собой разумеющееся включает в себя возможность развода, было не результатом процесса упадка, а другим способом оформления совместной жизни супругов (Humbert, 1990, p. 183; Bradley, 1991).

¹⁰ Часто приводимый в литературе пример – Катон Утический, который должен был свою жену Марцию сначала уступить Гортензию, а после его смерти вновь взять ее в супруги. См. об этом: Salvatore, 1990, p.13–46; Flacelière, 1976; Balsdon, 1962, p.293–302.

1.3 Истории о супружеской неверности и “безнравственность”

“Эмансипация” римских женщин в конце концов ставится во взаимосвязь с общим упадком нравственности, в качестве симптомов которого современные авторы рассматривают сообщения о супружеской неверности в высших слоях римского общества (Mette-Dittmann, 1991, S.100ff). Пьер Грималь описывает римских матрон как женщин, которые “поют, танцуют, играют на лире как куртизанки, они одеваются в легкие ткани, которые скорее выставляют их напоказ, чем укрывают от взглядов”, и таким образом римлянки якобы “завоевывают свою свободу... И, естественно, многие не знали меры” (Grimal, 1980 [1963], p.165). Ги Фо видит это отсутствие меры в прелюбодеянии, которое он считает женским орудием освобождения: “Некоторые римские женщины вели себя, как наши современные кинозвезды... Любовь стала для них средством освобождения, тем более что они имели обыкновение менять партнеров, причем их плохое поведение не определялось ни их интересами, ни их настроениями” (Fau, 1978, p.21).

Бесспорно, в сатирах Ювенала¹¹ – прежде всего в шестой, – в жизнеописаниях цезарей Светония¹² и особенно в “Анналах” Тацита представлены многочисленные истории о супружеской неверности. Однако можно ли там в самом деле прочесть описание самостоятельных поступков замужних женщин, в том числе и совершенных вопреки воле супруга? Внимательное чтение, например, “Анналов”, на мой взгляд, не оставляет возможности для такой интерпретации: если бы супружеская неверность римских жен в самом деле была знаком самостоятельного решения, знаком “эмансипации” в современном смысле, освобождения от социальных или юридических оков, то римские мужья должны были бы рассматривать измену как покушение на их положение главы *domus* и отца семейства. И нельзя ли было бы при этом предположить, при всем осторожном отношении к психологизирующим историческим гипотезам, что они оказали бы сопротивление подобной угрозе? Но как раз этого из “Анналов” не следует. Лишь два мужа упомянуты непосредственно в связи с осуждением их жен. Публий Сульпиций Квирин, уже после объявленного развода предпринимавший действия против своей бывшей жены, добился в результате, что, несмотря на свою дурную славу,

¹¹ Децим Юний Ювенал был современником Тацита, родился, вероятно, в 67 г., дата смерти неизвестна (предположительно он умер в тридцатые или сороковые годы II в.). До нас дошло шестнадцать его сатир.

¹² Гай Светоний Транквилл родился в 70-е годы I в., умер предположительно между 140 и 160 гг.; известно четырнадцать названий приписываемых ему произведений самого различного содержания, но сохранились лишь части сборника биографий “знаменитых людей” (поэтов, историографов, философов и т.д.) и его самый известный труд – жизнеописания Гая Юлия Цезаря и императоров из дома Юлиев-Клавдиев и дома Флавиев, а также трех императоров 69 г.

она стала предметом всеобщего сочувствия (Тас. Анн., 3,22,1); из замечания становится ясно, что подобное поведение супруга являлось необычным. Другому же, Титидию Лабелону, напротив, в сенате было поставлено в упрек, что он позволил своей жене Вистилии получить лицензию на занятия проституцией, что давало ей возможность прелюбодействовать, не подвергаясь за это обвинениям (Тас. Анн., 2,85,3)¹³. Из этих на первый взгляд противоречащих друг другу примеров из “Анналов” в равной степени следует, что мужья обычно не подавали в суд на изменивших им жен: бездействие Титидия указывает на то, что муж не желает трезвонить о неверности своей жены (и упреки сенаторов направлены, как можно предположить, против их коллеги, который подобную терпимость довел до крайности и тем самым нарушил соответствующие его положению предписания о браке, – ибо сенатор не имел права быть женатым на проститутке). Лишь в случае, если мы сочтем это поведение общепринятым, становится понятной негативная реакция на нарушение этого правила Квиринием. Очевидно, и законодательные акты ничего не могли поделать с нежеланием подать в суд на собственную жену за неверность: одновременно с упомянутыми законами Августа о браке в 18 г. н.э. был издан закон “о наказаниях за супружескую неверность”¹⁴, по которому муж изменницы под угрозой наказания был обязан доносить на нее. Однако в историях об изменах в “Анналах” Тацита в суд подают не оскорбленные мужья, а преданные императору доносчики, и прелюбодеяние включается в контекст обвинения в оскорблении величия. Это позволяет признать терпимость супруга обычной нормой поведения, которая едва ли была бы понятна, если бы муж рассматривал измену жены как “акт эмансипации” и тем самым принципиальную угрозу его власти и положению *pater*

¹³ В Риме эдилы выдавали *licentia stupri*, в известной степени лицензию на занятие проституцией. Женщина, обладавшая такой лицензией, относилась к той части населения – наряду с рабынями и рабами; вольноотпущенными обоего пола (с некоторыми ограничениями); актрисами и актерами; служителями гостиниц; лицами, осужденными за супружескую измену или другое правонарушение; вольноотпущенницами, которые по собственной инициативе развелись со своим патроном-мужем, – с которыми свободный римлянин мог вступать в сексуальную связь без каких-либо правовых последствий, но законный брак с которыми был невозможен.

¹⁴ *Lex Iulia de adulteriis coercendis* – закон предусматривает наказание изгнанием на удаленные острова (при конфискации части имущества) как мужчин, так и женщин, нарушивших супружескую верность. При сравнении с нашими представлениями следует уточнить, что по римским понятиям мужчина не мог совершить измену в отношении собственной жены: изменница оскорбляет собственный брак, изменник же может осквернить только чужой и оказывается, таким образом, виновен перед другим мужчиной, а не перед своей супругой. Решающее нововведение Августа закона заключается в том, что измена определяется как официальное правонарушение и наказание за нее выводится из компетенции отцовской власти.

familias. Измена в “Анналах” предстает скорее как выражение “женской природы”, которая мешает женщинам владеть собой и держать в узде свои чувства; женщины, как формулирует у Тацита один сенатор, суть “не только слабый духом, ограниченный, не способный переносить тяготы пол, но также не владеющий собой, тщеславный, властолюбивый”. И потому “вина ложится на мужа, если женщина преступает меру” (Тас. Ann., 3,33,3–4). Таким образом, при внимательном чтении феномен неверности предстает не как орудие освобождения, но, напротив, как характеристика неполноценности женщины (Veyne, 1985, p.50ff).

* * *

Аргументы, приводимые в доказательство “эмансипации” римских женщин, не выдерживают критического анализа (Dettenhofer, 1992b, S.787ff). Критерии, по которым оценивается положение римских женщин императорского периода у упоминавшихся нами авторов, берут свое начало в дискуссии о положении женщин в XIX и XX вв.: имущественные права женщин, раздельное владение имуществом в браке, право на развод, которым может воспользоваться и женщина, женская биография, в которой присутствуют несколько браков – не говоря уже о внебрачных отношениях, – все это должно было напоминать авторам, писавшим на рубеже веков, о современных им требованиях и женском движении, а начиная с шестидесятых годов XX в. историки-античники, вероятно, усматривали в этом параллели феминистским требованиям нового женского движения. На самом деле о римлянках из таких трудов мы узнаем немного; тем интереснее могло бы быть исследование, которое рассматривало бы женские образы в обсуждавшихся здесь работах и их связь с современными им дискуссиями о положении женщин. Благодаря такому текстуальному анализу можно было бы узнать очень много о размышлениях мужчин на женские темы в литературе по древней истории (Gardner, 1986, p.257ff; Treggiari, 1991, p.25, 44ff; Wagner-Hasel, 1992) и в целом об отражении актуальных политических дебатов в исторической литературе нашего столетия.

Если нельзя настаивать на тезисе об “эмансипации”, то и утверждение о причастности женщин к власти также оказывается под вопросом. Ибо в литературе одно следует за другим: Ферч постулирует “освобождение римлянки от подчинения” старинному праву и делает из этого вывод о “в высшей степени почетном положении”, в результате которого “уверенность в себе, властность и даже жажда власти” стали “отчетливо проступающими чертами характера римлянки”. Таким образом, делается шаг к утверждению о причастности к власти: “Если эти особенности характера сами по себе уже были реальной предпосылкой для стремления женщины к политическому влиянию, то многочисленные моменты общественной жизни особенно способствовали тому, чтобы это стремление к власти направлялось в сферу по-

литики” (Förtsch, 1935, S.30, 32). Мнимая “эмансипация” является, следовательно, причиной того, что, как более прямолинейно формулируют другие авторы, “пусть не благородные и добрые, но умные и властолюбивые женские персонажи” императорской семьи Юлиев-Клавдиев могли удовлетворить свое “честолюбие и стремление к власти” (Sandels, 1912, S.10), и, таким образом, “судьба римского мира нередко определялась женщинами” (Friedländer, 1922 [1881], Bd.I, S.295), чьи решения, в свою очередь, диктовались мотивами “личного возвышения, содействия родственникам, ревности, любви, страха или мести” (Hoffsten, 1939, p.1). Можно ли, однако, исходя лишь из несостоятельности тезиса об “эмансипации”, на котором основываются эти утверждения, оспаривать и вывод о причастности к власти? За ответом на этот вопрос обратимся к римским текстам, вместо того чтобы обращаться к их толкованиям.

2. “ВЛАСТЬ ЖЕНЩИН” В ИЗОБРАЖЕНИИ АНТИЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Историки древнего мира в нашем столетии в своих суждениях действительно могут ссылаться на соответствующие оценки римских историков: *serviendum feminae*, “рабская покорность женщинам” – устойчивый элемент сегований на принципат в труде Тацита; биограф Светоний сообщает несколько пикантных анекдотов об интригах женщин из императорского дома и описывает правление Тиберия как непрерывную борьбу с попытками вмешательства со стороны его матери Ливии. Современник Тиберия Веллей Патеркул¹⁵ ни в коей мере не оспаривает “причастность к власти” Ливии, тут же, правда, добавляя, что она использовала ее лишь с похвальными намерениями. В труде Диона Кассия, историка конца II в.¹⁶, различные гнусности и жестокости первых цезарей объясняются волей их жен или же этими последними и совершаются.

Между античными и современными высказываниями обнаруживаются, однако, два решающих различия: римские тексты нигде не обращаются к теме процесса, который можно было бы соотнести с

¹⁵ Гай Веллей Патеркул родился ок. 20 г. до н.э., год смерти неизвестен; в своем труде он излагает всю римскую историю с самых ее истоков, заканчивая 30 г. н.э. Веллей сделал карьеру при Тиберии, сопровождал его и в военных походах, и его исторический труд – единственный из дошедших до нас, в котором отразилось то направление в историографии, которое не занимало резко критической позиции по отношению к принципату (см. Timpe, 1987).

¹⁶ Дион Кассий родился между 155 и 160 гг. и прожил до 235 г.; происходил из Вифинии, был римским сенатором. В его труде в 80 книгах, написанных на греческом языке, излагается римская история от ее истоков до правления императора Александра Севера (222–235 гг.); полностью сохранились книги, в которых освещен период с 68 г. до н.э. по 47 г. н.э., о прочих разделах этого труда частично можно судить по цитатам и пространным средневековым выпискам.

понятием “эмансипация женщин”, и римские историографы нигде не делают женщин объектом своего описания. Женские персонажи скорее включены в контекст политических событий, которые и являются собственно темой исторических или биографических повествований. Эти события в изложении римских авторов в значительной степени определяются происходящим в императорском доме, и женщины предстают при этом в качестве жен или матерей, оказывающих влияние на своего царственного мужа или сына, в качестве объектов почестей, оказываемых сенатом и римским народом, или как олицетворение непревзойденной безнравственности в сравнении со старыми республиканскими добродетелями. Эти три аспекта в целом весьма отрицательной оценки присутствуют при изображении различных женских персонажей; среди них особым вниманием пользуются Ливия и Агриппина Младшая, во-первых, Юлия и Мессалина, во-вторых.

2.1 Властолюбивые жены и матери?

Среди жен и матерей первых пяти цезарей наибольшее влияние приписывается Ливии и Агриппине Младшей. Ливия (родившаяся в 58 г. до н.э. и дожившая до преклонного восьмидесятилетнего возраста) уже родила одного сына, Тиберия, и была беременна вторым ребенком, когда ее муж, Тиберий Клавдий Нерон, “уступил” ее Августу (Suet. Tib., 4,6; Suet. Aug., 62,2; Vell. Pat., 2,79,2; 2,94,1; Tac. Ann., 5,1,2); как сообщает Тацит, Август домогался ее “из страсти к ее красоте”, – хотя, возможно, в этом разводе и последовавшем браке сыграл роль приход на сторону Августа Клавдия Нерона, поддерживавшего прежде Антония. В качестве важнейшего результата влияния Ливии на Августа называют то, что она добилась от мужа усыновления Тиберия и назначения его наследником престола (Cass. Dio, 54,31,4; 55,10,10; Suet. Tib., 21,4; Tac. Ann., 4,40,6; 4,57,3). Римские авторы сообщают при этом – впрочем, как слух, – что после смерти Августа она обеспечила успешное наследование власти, отдав приказ убить последнего возможного соперника (Tac. Ann., 1,6,2; Cass. Dio, 57,3,5–6; Suet. Tib., 22,1). Помимо таких намеков историк Дион Кассий, писавший примерно через двести лет после этих событий, воспроизводит длинный монолог Ливии, обращенный к ее мужу Августу, в котором она предпринимает попытку убедить его, что милосердие и кротость в отношении подданных – лучшее средство против опасностей, угрожающих монарху (Cass. Dio, 55,14–22). И Светоний в жизнеописании Августа считает нужным сообщить, что император всегда делал письменные заметки, готовясь к важным беседам, и даже со своей женой (Suet. Aug., 84,4). Впрочем, сегодня уже нет сомнений в том, что политические речи в античных исторических сочинениях не имеют документальной ценности – в смысле передачи действительно произнесенных речей; и относительно столь глубокой осведомленности Светония, писавшего через сто лет, о господствовавших в отношениях Ливии и Августа привычках возможно вполне оправданное сомнение.

Но что можно с уверенностью принять из этих сообщений – так это тот факт, что античные историки и биографы считали возможным серьезное обсуждение вопросов политики и престолонаследия между императором и его женой.

Ливия в период после смерти Августа характеризуется в исторических текстах нелестным определением *muliebris inpotentia*, “женской необузданности”. Тиберию приходилось обороняться от властолюбия своей матери (Тас. Анн., 1,4,5; 4,57,3; 5,1,3; Suet. Tib., 50,3); Ливия попрекала его, согласно Тациту, тем, что власть он получил от нее в подарок (Тас. Анн., 4,75,3). Этим обосновывается все более враждебное отношение Тиберия к Ливии (Suet. Tib., 47,1; 51,1–6; Cass. Dio, 57,12,2; 58,2,1; Тас. Анн., 4,57,3; 5,1,3; 5,2,1–5; 5,3,1). Помимо таких высказываний и суждений о необузданности Ливии, из античных текстов нельзя извлечь каких-либо указаний на конкретное могущество матери императора. Помимо утверждений о влиянии Ливии (Тас. Анн., 1,10,5; 1,3,3; 1,6,2) античные тексты сообщают лишь о ее просьбах к Тиберию взять на себя защиту ее попавшей под обвинение подруги или проявить милосердие к сенатору, по неловкости навлекшему на себя гнев императора (Тас. Анн., 3,10,2; 3,15,1; 3,17,1; 2,34,3; 1,13,6).

Нерон также, по сообщениям римских историографов и биографов, должен был защищаться от властолюбия своей матери (Suet. Nero, 9,3; Тас. Анн., 13,2,2; 13,6,2; 14,11,1); в текстах Агриппина предстает как тип жаждущей власти мужеподобной женщины. Единственную возможность избежать полного подчинения господству женщины Нерон и его советники явно видели в ее убийстве (Cass. Dio, Epit., 62,12–14 (Xiphilinos); Suet. Nero, 34; Тас. Анн., 13,20,3; 14,3–13). Агриппина предстает тем более опасной, что она действует с “почти мужской” выдержкой: по описанию Тацита, свое искусство обольщения она применяет исключительно с целью завладеть властью, и соответственно вступает в связь лишь с теми мужчинами, которые могут быть полезны для достижения этой цели (Тас. Анн., 12,7,3; 12,65,2). Пытаясь сохранить свое влияние на сына, она не остановилась перед тем, чтобы предложить ему вступить с ней в кровосмесительную связь (Suet. Nero, 28,5–6; Тас. Анн., 13,3,2; 14,2,1). Для античных историков Агриппина была *semper atrox*, “жесточкая и упорная”; такой эпитет имеет вполне положительное значение, когда относится, например, к солдату, но применительно к женщине означает присвоение ею исключительно мужских качеств и выход за рамки роли, подобающей женщине (Kaplan, 1980). Она расчетливо применяла свое искусство обольщения еще задолго до вступления Нерона на престол: его предшественника Клавдия она, пользуясь близостью, которую обеспечивало ей положение племянницы императора, склонила взять ее в жены – вопреки всем традиционным ценностям, запрещавшим брак между дядей и племянницей (Тас. Анн., 11,25,5; 12,3,1; 12,5,1; 12,6,3; 12,7,2; 12,8,1; 13,2,2; 14,2,2; Suet. Claudius, 26,7; 39,4; Cass. Dio, Epit., 61,6 (Xiphilinos);

61,8 (Zonaras)). Клавдий описан как тип императора с ограниченными умственными способностями, игрушка в руках своих жен – сначала “нимфоманки” Мессалины, потом обладавшей мужским характером и тем не менее обольстительной Агриппины. Его решение усыновить Нерона, сына Агриппины, женить его на своей дочери Октавии и тем самым решить вопрос о престолонаследии – все это объясняется закулисными или альковными кознями Агриппины (Cass. Dio, Epit., 61,32,1–2 (Xiphilinos, Zonaras); Tac. Ann., 12,3,2; 12,9,1–2; 12,25,1; 13,2,2; 13,14,2; Suet. Claudius, 27,6; 39,5). Его жена могла не побояться отравить мужа, чтобы помочь своему сыну прийти к власти – по крайней мере, в изложении Тацита; Светоний более осторожен в том, чтобы возложить на нее ответственность за убийство (Suet. Claudius, 44,2–7; Tac. Ann., 12,66–67; 13,14,3).

Ливия и Агриппина – две “женщины у власти”? Несомненно, римские авторы не воздерживаются от негативных суждений по поводу разрушительного влияния этих фигур на самых выдающихся мужчин того времени. И, однако, из их текстов нельзя извлечь ни малейшего намека на какую-либо попытку этих женщин выносить самостоятельные решения или добиться для себя институционально гарантированного статуса “женщины у власти”¹⁷; напротив, римские авторы рисуют образы женщин, которые предпринимают все, чтобы помочь своим ближайшим родственникам-мужчинам сделать политическую и социальную карьеру или застраховаться от ее краха.

2.2 Почитаемые женщины

Не только римские тексты, но и надписи и нумизматические материалы позволяют довольно много узнать об особых почестях, которые оказывались женщинам из окружения императора (Hoffsten, 1939; Sandeis, 1912). Так, изображения женщин из императорского дома присутствуют на монетах, отчеканенных в Риме и различных провинциях (Sandels, 1912, S.50ff; Hoffstein, 1939, S.58–59; Eck, 1993, S.62–63). Супруги, дочери или сестры императоров, в отличие от частных лиц, имели право воздвигать свои статуи в общественных местах (Hoffstein, 1939, S.59; Sandels, 1912, S.28ff), а в театре за ними были зарезервированы особые места (Sandels, 1912, S.27–28; Hoffstein,

¹⁷ Весьма знаменательным представляется мне то место, которое часто приводится как “доказательство” причастности Агриппины к власти (Eck, 1993, S.64): Тацит (Ann., 13,5,1) напоминает, что сенат покинул обычное для заседаний место, курию, и переместился в Палаций, императорскую резиденцию, чтобы Агриппина могла слушать через специально сделанное в стене отверстие, скрывшись за занавесом. Не говоря уж о том, что перемена места заседаний не была чем-то необычным (Jacques et Scheid, 1990, p.65), именно это место показывает, с одной стороны, что Агриппина не могла прямо осуществить свою волю (ср. Tac. Ann., 12,59,2; 13,5,2; 14,11,1), с другой же стороны, что Агриппина слушала заседания без права официально высказать свое мнение; ее “могущество” – влияние за занавесом официальной политики.

1939, S.73–74). Подобные почести до принципата были закреплены за весталками, высоко почитаемыми жрицами культа Весты и хранительницами вечного огня; еще одна привилегия, которую некоторые женщины из императорского дома разделяли с жрицами Весты, было право пользоваться в городе Рима *carpentum*, закрытым экипажем, применение которого кроме как для религиозных целей запрещалось (Cass. Dio, 60,22,2; Suet. Claudius, 17,3; Cass. Dio, 60,22,2; Tac. Ann., 12,42,2). Август в своем завещании передал Ливии почетное имя *Augusta*, и его, как и другие титулы, получали в свою очередь и последующие жены или матери императорского дома Юлиев-Клавдиев¹⁸. В то время как эти почести выражали особое уважение, другие привилегии изменяли правовой статус: женщины из императорского дома – независимо от того, выполняли ли они соответствующее условие изданного Августом закона, а именно быть матерью трех детей, – освобождались от опеки по признаку пола и тем самым получали право самостоятельно распоряжаться своим имуществом. Кроме того, они сохраняли особое положение после смерти своих царственных супругов. После погребения и апофеоза (“причисления к лику богов”, которое было официально установлено для всех *principes*) они становились жрицами обожествленного императора; в этом качестве они получали принадлежавшее исключительно государственным чиновникам, жрецам и весталкам право быть сопровождаемыми ликтором¹⁹.

Все эти почести позволяли женщинам из императорского дома играть особую роль в общественной жизни в столице. Ливия и Агриппина Младшая (а возможно, и другие женщины из императорского дома, о которых не сохранилось соответствующих сведений) от своего собственного имени проводили приемы, участники которых поименно перечислялись в *acta diurna*, вывешивавшихся на общественное обозрение “официальных сообщений” императорского дома (Hoffsten, 1939, S.60). В совокупности перечисленные здесь привилегии можно расценить как основу и предпосылку самостоятельной политической деятельности. Но при этом не следует упускать из виду, что все эти почести полагались женщине не как самостоятельной личности, а в ее

¹⁸ Агриппина Младшая носила имя “Августа” как первое уже при жизни ее супруга Клавдия (см. Hoffsten, 1939, S.57ff). Помимо присвоения почетного имени завещание Августа фактически означало исключительную почесть для Ливии: Август не только оставил ей богатое наследство, но путем усыновления принял ее в род Юлиев (*gens Julia*); эти единодушно приводимые в текстах условия завещания носят характер исключительный, особенно усыновление – усыновление супруги по завещанию больше не встречается ни во времена республики, ни во времена принципата (см. Shackleton Bailey, 1976; для раннеимператорского периода см. Syme, 1982).

¹⁹ Ликторы несли перед чиновником или жрецом, к которому они были приставлены, пучки прутьев с топорами как знак административной власти; они сопровождали должностное лицо во время всех его служебных, а нередко и частных перемещений по городу.

функции законной супруги, матери, дочери или сестры императора. Названными привилегиями были отмечены женщины из императорского дома, а не женщины высшего сенаторского сословия, не говоря уж о римских женщинах вообще. Нельзя ли на этом основании предположить, что исключительное положение указанных женщин едва ли было призвано способствовать “эмансипации” римлянок, но в гораздо большей степени служило для пропаганды и утверждения господства цезаря. В этом смысле может быть объяснено и символическое присутствие женщин из императорской семьи в официальной сфере жизни римской столицы: культ супруги божественного императора, портреты и имена на монетах, общественные здания, посвященные женщинам из императорского дома, официальные пожелания выздоровления, направлявшиеся сенатом или сословием всадников в случае болезни, официальное погребение, часто и для супруги императора с апофеозом (а следовательно, связанное с установлением культа, праздников и сооружением святилищ), присутствие ее изображений на официальных церемониях и жертвоприношениях – все эти почести, без исключения, выстраиваются в целое, объединяемое понятием “императорская пропаганда”, которая была направлена на закрепление в коллективном сознании представления о высшем положении императорского дома. Особые права женщин в конечном счете оказываются императорскими привилегиями для женщин, принадлежащих к его *domus*. При этом император совершенно очевидно избегает какой-либо передачи официальных политических функций; ни одна из этих почестей ни в коей мере не присваивает женщине должностных функций или институционального политического положения.

2.3. Бесстыдство как содержание жизни

Помимо типов одержимых жаждой власти матерей и глубоко почитаемых супруг императоров, римская историография разрабатывает и образы сексуально необузданных женщин. Чаще женское распутство упоминается в качестве иллюстрации распада старых добрых ценностей республиканского общества, и довольно редко римские авторы прослеживают связь с политическими целями, которые стояли за этим “аморальным” поведением. Напротив, в представлении римской историографии женщина именно тогда оценивается как политическая угроза, когда, подобно Агриппине, умеет совладать со своей “женской необузданностью”. Однако исторические повествования представляют двух женщин периода ранней империи, которым не приписывают каких-то политических целей, но возлагают на них ответственность за политические последствия их отношений с мужчинами. Одна из них – дочь Августа Юлия, короткое время бывшая замужем за Тиберием, другая – Мессалина, жена императора Клавдия.

Важнейшая информация о Юлии – сообщение о ее ссылке на Пандерию, маленький остров севернее Неаполя, во 2 г. н.э.; ее предполагаемые любовники были либо сосланы, либо приговорены к смерти,

или же сами покончили с собой, опередив приговор (Cass. Dio, 55,10,14; Sen., *de Ben.*, 6,32,1; Suet. Aug., 65,6–7; Tac. Ann., 1,35,1; Vell. Pat., 2,100,5). На основании античных текстов так же трудно сделать вывод о причинах этих приговоров, как и о форме осуждения: Август упоминается как тот, кто вынес и приказал привести в исполнение приговоры, после чего он, должно быть, поставил в известность об этом сенат. Это, вероятнее всего, указывает на судейство Августа в качестве *pater familias*, – возможная трактовка, которая, однако, осложняется тем, что Юлия после рождения троих детей была освобождена из-под отцовской власти. Основанием для ее изгнания и остальных приговоров послужило, согласно неясным указаниям Тацита, то, что император говорил о кощунстве в отношении величества и религии (Tac. Ann., 3,24,2). Веллей Патеркул, Сенека и Светоний говорят о попойках, прелюбодеяниях и безнравственности вообще, поставленных в вину Юлии и осужденным мужчинам (Suet. Aug., 65,2; Suet. Tib., 11,6; Vell. Pat., 2,100,2–5; Sen., *de Ben.*, 6,32,1; см. также у Плиния (Plin. NH, 21,6)). Только Дион Кассий сообщает, кроме того, о слухе, будто “главный возлюбленный” Юлии, Юл Антоний, вынашивал мысль о перевороте (Cass. Dio, 55,10,15)²⁰. Таковы скудные сведения античных текстов о “скандале второго года”, из которого в историографии XX столетия делается вывод об “освобождении римлянок путем злоупотребления сексуальной свободой” и о “жажде власти”, свойственной женщинам императорского дома²¹.

Мессалина в исторических сочинениях, романах и кинофильмах стала олицетворением женской порочности – фактически уже Тацит обвинил ее в том, что она совершала поступки, побуждаемые одним распутством (Tac. Ann., 12,7,3). Ей приписываются разнообразнейшие любовные похождения, интриги и несколько убийств, и притом вовсе не по политическим мотивам, а просто из жажды роскоши и богатства и сексуальной развращенности (о любовных связях Мессалины см.: Cass. Dio, 60,18,1–3; Tac. Ann., 11,12,1; 11,25,5; 11,28,1; 11,30,2; 11,31,2; 11,34,2; 11,35,2; 11,36,4; о ее интригах и их мотивах: Cass. Dio, 60,14,1; 60,16,2; 60,27,4; Suet. Claudius, 37,3). Тацит говорит о “многочисленных убийствах, совершенных по приказу Мессалины” (Tac. Ann., 11,28,2). И политическая афера, положившая конец ее короткой жизни, представлена так, словно это был несчастный случай: в 48 г. она “воспылала любовью к красивейшему из римских юношей”, хотела любой ценой удержать при себе этого возлюбленного и потому, будучи женой Клавдия, согласилась на брак с

²⁰ Юл был сыном главного противника Августа в гражданской войне – Марка Антония.

²¹ Г.Фо (Foa, 1978, p.197) с сочувствием констатирует, что римское общество не предоставляло римской женщине иной возможности освобождения, кроме разврата, и спрашивает: “Не с помощью ли этого средства, самого простого, обычно начинает женщина освобождаться из-под опеки своего мужа?”

прекрасным Сицием (Cass. Dio, Epit., 61,1–5 (Excerpta Valesiana 225); Suet. Claudius, 26,5; 29,5; 36,3; Tac. Ann.,11,12; 11,25,1; 11,28,1). Обычно подобный конфликт, в соответствии с римским правом, мог быть улажен простым заявлением мужу о разводе. Однако жена императора, кажется, не такая женщина, как другие: императорские вольноотпущенники и ближайшие советники убеждают Клавдия в том, что брак Мессалины с римским аристократом высшего разряда угрожает его положению императора и почти равносителен государственному перевороту; единственный выход – смерть Мессалины и ее нового супруга. И они претворяют это намерение в жизнь прежде, чем император может одуматься. Сразу же устранен и целый ряд мужчин, принадлежавших к “кругу Мессалины” (Tac. Ann.,11,28–38).

Изображение Юлии и Мессалины в римских текстах показывает, что в обоих этих образах фактически создается тип сладострастной и ненасытной женщины, который предстает перед читателями и читательницами – или, что в римское время случалось чаще, слушателями и слушательницами – в устрашающем виде (Holland, 1987; Kuhn, 1985). В то же время беглый взгляд на обе “нимфоманские” фигуры обнаруживает, что та цепочка аргументов, на основании которой в современных исследованиях по истории древнего мира из “сексуальной распущенности” делается вывод о женской “эмансипации” и политической власти женщин, в античных текстах не просматривается. Что касается Юлии, то в текстах не содержится ни единого намека на ее собственное участие в политических делах; лишь один из приписываемых ей любовников в отрывочном свидетельстве у Диона Кассия обвинен в политическом умысле. Обвинения против Мессалины имеют лишь косвенный характер; ни она сама, ни ее новый супруг не представлены как угроза императорскому трону. На основании этих сведений о Юлии и Мессалине плохо подтверждается тезис о борьбе этих женщин за власть; и в еще меньшей степени – об “эмансипации” римлянок в целом. И тем не менее нельзя отрицать, что римские авторы приписывают обеим этим фигурам определенную функцию в отношении закрепленной за мужчинами политической власти; о ссылке и убийстве женщин незначительных римские авторы в своих текстах не сообщали бы. В чем состоит это значение – вопрос пока открытый.

* * *

Общий взгляд на положение “влиятельных женщин” императорского дома Юлиев-Клавдиев приводит к констатации, что в античных текстах не прочтешь о самостоятельных политических действиях женщин. “Причастность женщин к власти” ограничивается влиянием на мужчин; ее цель – поддержка сына, достижение или сохранение определенного положения рядом с мужчиной. В этом положении она является объектом исключительных почестей. И сексуальную несдержанность античные авторы не представляют как политическую деятельность.

Подобная констатация одновременно высвечивает противоречие между безвластностью и утверждениями о “власти женщин” и поднимает вопрос о понятии власти; ибо, несмотря на отсутствие указаний на конкретное использование власти, общим для всех этих изображений женщин в античных текстах является негативная оценка – в один голос повторяются жалобы на “женскую необузданность”, вредное влияние женщин императорского дома на государство. Как могут женщины влиять на государство, если они не обладают властью? Я думаю, противоречие заключено в определении понятия “власть”. При помощи данного Максом Вебером классического определения власти как “шанса осуществить собственную волю внутри социальных отношений даже вопреки сопротивлению независимо от того, на чем этот шанс основан” мы не можем понять, что имеют в виду римские авторы с их жалобами на женщин из императорского дома. И потому главный вопрос должен звучать так: чем же обладали римлянки, которые не имели власти и тем не менее были “могущественны”?

3. О ПРОИСХОДЯЩЕМ ЗА КУЛИСАМИ И О ПРЕДСТАВЛЕНИИ НА СЦЕНЕ

Тщательное прочтение римских текстов, рассказывающих о событиях в позитивистской манере²² и в одном ряду упоминающих о Ливии и Агриппине, Юлии и Мессалине, бесспорно, позволяет признать выдающуюся политическую функцию женщин императорского дома. “Политическая”, правда, значит здесь больше, чем слушания в сенате, действия чиновников и выступления императора за пределами его дома. Понятием “политическое” здесь должно обозначаться все то, что предшествует этому “представлению на политической сцене”: дружба и вражда между политическими актерами, споры и обсуждения при встречах и приглашениях в отдельные дома римской знати и императорский дворец, короче, светская жизнь, которую часто относят к сфере, определяемой как “частная”, хотя она является решающей предпосылкой для так называемой общественной (Dixon, 1983). В рамках этого широкого определения “политического” обнаруживаются две сферы политической роли женщин: они – необходимые орудия в игре мужчин вокруг власти, и в то же время они могут исполнять важные функции в качестве собеседниц своих мужей или сыновей.

²² Новейшие подходы, которые объединены в понятия “постструктурализм” или “деконструктивизм”, означают в известном смысле не что иное, как возвращение к позитивизму в изменившихся условиях, т.е. исследование позитивного содержания текста (в связи с этим М.Фуко называет себя “счастливым позитивистом”, “positiviste heureux”, см. Фуко, 1969, p.164), которое, правда, рассматривают уже не как однозначное и “говорящее само за себя”, но в его материальности – как фокус многообразия обсуждений, многочисленность смысловых и значимых возможностей которого выстраивается в процессе чтения.

На роль женщин как орудия в мужской игре за политическую власть уже было указано: дочь выходит замуж, потому что ее отец хочет закрепить политическую дружбу или союз родственной связью; за изменением этих политических отношений могут последовать развод и новый брак (Hallett, 1984, p.102ff; Bradley, 1984). На жену возложена важнейшая задача родить законных детей, и производство законного потомства ни в коей мере не является “частным” делом; для римского аристократа это двойной долг, который ему надлежит исполнить как гражданину по отношению к государству, а как отпрыску большой семьи – по отношению к своим предкам, род и имя которых он обязан продолжить. Из этих инструментальных функций может вырасти общественное уважение к женщинам, имеющее политический характер: как дочь важного отца она переносит его престиж на своего супруга и детей; она может также выступать в римском обществе как мать многочисленных детей, “надменная своей плодовитостью”, как это сказано в “Анналах” Тацита о матери Агриппины Младшей (Тас. Ann., 4.12,3; 1,41,2; 2,43,6).

Быть матерью сына, который играет важную роль в римской политике или даже является императором, быть супругой полководца или наместника, дочерью консула или военачальника – все подобные общественные позиции женщин неизбежно влекут за собой влияние на мужчин, связанное с институционально важными задачами. Традиционно римские женщины – а также дети – принимают участие в приемах и пиршествах, т. е. в светской жизни, происходящей у них в доме. Римские тексты представляют, и особенно в отношении женатых людей, многочисленные свидетельства того, что общие беседы на политические темы были вполне приняты; Дион Кассий, как упоминалось выше, сообщает об обстоятельной речи, которую якобы держала Ливия перед Августом, и Светоний рассказывает анекдот о письменных приготовлениях Августа к беседам со своей женой. Из этого нельзя с уверенностью сделать заключения ни о подлинности подобной речи, ни о письменных тезисах к дискуссии, но можно прийти к выводу о том, что в порядке вещей был обмен мыслями между мужем и женой, в том числе и по поводу актуальных вопросов деятельности супруга как главы государства. Другие функции жены обозначены, например, в речи, которую Тацит вкладывает в уста одного сенатора: тот отвергает предложение запретить чиновникам брать жен с собою в провинции, и свою позицию он обосновывает, характеризуя законную супругу как “благопристойное отдохновение для возвращающегося с работы мужчины”, как “поддержку” и “спутницу в счастье и несчастье”. Супруга как “поддержка” и “благопристойное отдохновение” упоминается и тогда, когда нужно убедить императора Клавдия вновь жениться после смерти Мессалины (Тас. Ann., 3,34,2; 3,34,5; 12,5,3). У Диона Кассия ссылка на “спутницу в счастье и несчастье” является частью аргументации, приписываемой им Августу, с помощью которой император хочет убедить неженатых вступать в брак (Cass. Dio,

56,3,3; см. также Treggiari, 1991, p.249ff; Dixon, 1992, p.83ff; Deijman, 1989, S.538). Опираясь на эти ссылки, мы можем заключить, что обмен мнениями между женой и мужем, а также матерью и сыном (Dixon, 1988, Kap.7, S.187ff), дочерью и отцом (Hallett, 1984, S.76ff, 299ff) не был чем-то из ряда вон выходящим, а являлся частью повседневной жизни семей из римских высших сословий.

В повседневном общении в семье я вижу вторую важную сферу проявления политической роли женщин. Это их влияние можно определить как политическую власть при условии, что под “властью” подразумевается не только “шанс осуществления своей воли”, но и неформальное влияние на тех, для кого обладание таким шансом обеспечено институционально и формально. И эту власть можно было бы назвать политической, если бы область неформального действительно рассматривалась как относящаяся к политической сфере. Если эти два условия римского представления о “политическом” соблюдены, может ли быть женское влияние действительно обозначено как “политическая власть женщин”? Чтобы ответить на этот вопрос, следует более подробно описать различие между формальной и неформальной властью в римском обществе. По образцу представленных недавно социально-антропологических тезисов Дж.Скотта (Scott, 1990) различные сферы обладания властью можно понять как процессы, которые разыгрываются “на сцене” и “за кулисами” – *on-stage* и *offstage*. Римские структуры власти, как они описываются в античных текстах, идеально-типически можно обрисовать следующим образом. Римское общество состоит из определенного числа больших аристократических семей, во главе каждой стоит соответствующий *pater familias*, который в своем доме распоряжается женой и детьми, рабами и имуществом. Эти отцы семейств собираются в сенате, чтобы совместно определять римскую политику; каждый представляет там и свои интересы (т.е. интересы своей семьи, в известной степени им олицетворяемой), которые ему приходится отстаивать в условиях возможной конкуренции с интересами его коллег по сенату. Римские сенаторы равноправны между собой, различия в политическом значении каждого проявляются лишь в различиях между ступенями должностной карьеры, которая в принципе открыта для каждого. Только один из них – со времен Августа – становится “первым среди равных”. Император, впрочем, тоже должен предьявлять сенату свои решения. Так могут быть схематизированы представления римских авторов об отправлении власти на официальной сцене. Римские аристократы разыгрывают политический театр для римских граждан и подвластных Римской империи народов, но, в первую очередь, для самих себя, обеспечивая тем самым свою политическую идентичность. Точно так же, как действие на сцене, само собой разумеющимися являются и процессы, происходящие за кулисами: обсуждения между сенаторами, друзьями, дружба с которыми закреплена браками, общение в аристократических домах, – а здесь-то и располагается сфера политического влияния супруг, ма-

терей и дочерей. Я думаю, что, несмотря на скудость передаваемых римскими текстами свидетельств о существовании подобной практики “закулисного” общения, можно предположить, что женщины неизбежно составляли часть этих *offstage*-процессов и их роль полностью соответствовала той традиции, которая не оспаривается и не представляет повода для критики.

С точки зрения современной теории общества – которая восприняла политический лозунг нового женского движения “Частное есть политическое” и руководствуется этим постулатом феминизма, – это влияние римских женщин и в самом деле есть политическая власть. В комплексных структурах процесса принятия решений и отношений зависимости политику можно понять лишь при взгляде как на сцену, так и за кулисы (Foucault, 1975, p.75–105, 197–229; 1976, p.123ff). Однако римские историки совершенно явно смотрели на это другими глазами: хотя политика и есть объект исследования, и содержание их повествований составляют политические (и военные) события в столице Рима и на рубежах империи (Strasburger, 1975, S.27ff), однако они не сообщают о событиях за кулисами, в домах римских сенаторов. В качестве политических они представляют события на официальной сцене, и из этого можно только сделать вывод, что они рассматривали *offstage*-процессы, а тем самым и влияние женщин как не относящиеся к области политического.

Эта констатация требует, правда, решающей поправки: императорская семья является объектом особого интереса римских историков, поскольку она стоит в центре их сочинений. Причем изображение самих цезарей, как и других членов императорского дома, имеет негативную направленность. Причину столь критической оценки принципата можно усмотреть в том, что римские историки принадлежали к римской аристократии, сами, как правило, были сенаторами и как таковые видели в установленном Августом политическом порядке ограничение своих собственных политических прав и полномочий, угрозу традиционным римским структурам власти. Но их критическое отношение находит выражение не только в однозначных суждениях о поведении членов императорского дома; одно то центральное значение, которое придается в историческом повествовании лицам из императорского дома (или императорскому дому как действующему лицу²³) позволяет распознать критику политической системы принципата. В том, как одна семья возвеличена над другими, показано разрушение основы идеального представления о римских структурах власти, и разоблачается пропагандистская формула, которая определяет принцепса как “первого среди равных”. Уже не отцы семейств, персонифицируя свои дома, определяют римскую

²³ *Princeps* занимает в императорском доме положение *pater familias*; в этом отношении он, равно как *patres* аристократических семей, является олицетворением своего *domus*, который следует рассматривать как единое целое.

политику в аристократическом равенстве сената, а император стоит над ними и имеет возможность принимать решения. Изображение политического процесса, в котором коллективная выработка решений подменяется изъявлением воли одного, ведет к переключению внимания историка на условия, которые определяют действия императора. И таким образом события в императорской семье, разыгрывающиеся, как и в каждой аристократической семье, за кулисами, внезапно становятся объектом историографии; даже совершенно отвечающее традиции влияние матерей на сыновей, супруг – на своих мужей, манера дочерей вести себя попадают в поле зрения исторического повествования. Противоречие в римской историографии между утверждением о “власти женщин”, с одной стороны, и отсутствием конкретных свидетельств об институционально-политической деятельности женщин – с другой, объясняется новыми отношениями, которые создала политическая система принципата (Dettenhofer, 1992).

* * *

Предложенная здесь методика прочтения римских сообщений о “политической задействованности” женщин привела нас к двум тезисам. Во-первых, следует констатировать, что мнимо возросшая политическая роль женщин в период раннего принципата не может быть объяснена процессами, которые якобы позволили женщинам занять самостоятельное политическое положение. Указания на действия женщин из императорского дома, по существу, не позволяют обнаружить иного содержания их поступков, кроме того, которое считается нормальным для женщин из других семей (Pailler, 1987), – правда, с тем решающим исключением, что влияние на императора имеет другой результат, нежели влияние на любого сенатора. Более частое появление женских персонажей в исторических или биографических произведениях следует поэтому рассматривать в контексте критики системы власти принципата; жалобы на “могущество женщин” – это в конечном счете жалобы на императора и его власть над сенатом. В то время как первый тезис ставит вопросы в области историографии и политической истории Рима, второй вводит в поле зрения вопрос о *condition feminine*, положении женщины и его оценке. Влияние женщин на своих мужей или сыновей для римского общества было столь же естественно, как и их участие в событиях, происходивших в их доме, или выполнение роли потенциальных супруг и матерей в политической игре мужчин. Эта деятельность и использование женщин в качестве орудия – обычная “закулисная” составляющая официального политического театра. В античных текстах она не оценивается как политическая практика, с современной же точки зрения она так же принадлежит к политической сфере, как и слушания в сенате, ибо именно в “частном доме” сенатора находились истоки официальной политической игры на форуме.

ИСТОЧНИКИ

- Гай Светоний Транквилл.** Жизнь двенадцати цезарей. М.: Наука, 1966.
- Публий Корнелий Тацит.** Анналы. В: Корнелий Тацит. Сочинения. В 2-х тт. Т.1. Л.: Наука, 1969.
- Децим Юний Ювенал.** Сатиры. М.-Л.: Academia, 1937.
- Dionis Cassi Cocceiani.** Historia Romana. V. I-V. Dindorf. Lps., Teubner, 1890.
- Plinius, Caius Secundus.** Natural History. (The Loeb Classical Library). London; Cambridge, 1938.
- Seneca, Lucius Anneus, jun.** De Beneficiis. Paris, 1985.
- Velleius Paterculus.** Compendium of Roman History. Res gestae Divi Augusti. (The Loeb Classical Library). London; New York, 1924.

ЛИТЕРАТУРА

- Balsdon D.** Roman Women: Their History and Habits. London, 1962.
- Balsdon D.** Die Frau in der Römischen Antike. München, 1979.
- Baltrusch E.** Regimen morum. Die Reglementierung des Privatlebens der Senatoren und Ritter in der Römischen Republik und frühen Kaiserzeit. München, 1988.
- Bauman R.A.** Women and Politics in Ancient Rome. London; New York, 1992.
- Bradley K.R.** The Social History of the Roman Elite // Echos du monde classique, 1984, v.28, p.481-499.
- Bradley K.R.** Remarriage and the Structure of the Upper-Class Roman Family. In: B.Rawson (ed.). Marriage, Divorce and Children in Ancient Rome. Canberra; Oxford, 1991, p.78-98.
- Cantarella E.** L'ambiguo malanno. Condizione e immagine della donna nell'antichità greca e romana. Rom, 1986 [1981].
- Carcopino J.** La vie quotidienne à Rome à l'apogée de l'Empire. Paris, 1930.
- ДеЯман М.-Л.** Aufgaben, Rollen und Räume von Mann und Frau im antiken Rom. In: J.Martin und R.Zoepffel (Hg.). Aufgaben, Rollen und Räume von Mann und Frau. Freiburg; München, 1989, S.501-564.
- Dettenhofer M.H.** Perdita Iuventus. Zwischen den Generationen von Caesar und Augustus. München, 1992a.
- Dettenhofer M.H.** Zur politischen Rolle der Aristokratinnen zwischen Republik und Prinzipat // Latomus, 1992b, Nr.51, S.775-795.
- Dixon S.** A Family Business: Women's Role in Patronage and Politics at Rome 80-44 B.C. // Classica et Mediaevalia, 1983, v.34, p.91-112.
- Dixon S.** The Roman Mother. London; Sidney, 1988.
- Dixon S.** The Roman Family. Baltimore; London, 1992.
- Eck W.** Agrippina, die Stadtgründerin Kölns. Eine Frau in der frühkaiserzeitlichen Politik. Köln, 1993.
- Fau G.** L'émancipation féminine à Rome. Paris, 1978.
- Flacelière R.** Caton d'Utique et les femmes. In: Mélanges offerts à Jacques Heurgon. L'Italie préromaine et la Rome républicaine. V.I. Rom, 1976, p.293-302.
- Flaig E.** Den Kaiser herausfordern. Die Usurpation im Römischen Reich. Frankfurt a.M.; New York, 1992.
- Förtsch B.** Die politische Rolle der Frau in der römischen Republik. Stuttgart, 1935.
- Foucault M.** L'archéologie du savoir. Paris, 1969.
- Foucault M.** Histoire de la sexualité. V.1: La volonté de savoir. Paris, 1976.

- Foucault M.** Surveiller et punir. Naissance de la prison. Paris, 1975.
- Friedländer L.** Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit von Augustus bis zum Ausgang der Antonine. 10. Aufl. 4 Bde. Leipzig, 1922 [1881].
- Gardner J.F.** Women in Roman Law and Society. London; Sydney, 1986.
- Garsney P. and Saller R.** The Roman Empire. Economy, Society and Culture. London, 1987.
- Grimal P.** L'amour à Rome. Paris, 1980 [1963].
- Hallett J.P.** Fathers and Daughters in Roman Society. Women and the Elite Family. Princeton, 1984.
- Hesberg-Tonn B. von.** Coniunx carissima. Untersuchungen zum Normcharakter im Erscheinungsbild der römischen Frau. (Diss.). Stuttgart, 1983.
- Hoffsten R.B.** Roman Women of Rank of the Early Empire in Public Life as Portrayed by Dio, Paterculus, Suetonius and Tacitus. (Diss.). Philadelphia, 1939.
- Holland P.** The Page Three Girl Speaks to Women, Too. In: R.Betterton (ed.). Looking on. Images of Feminity in the Visual Arts and Media. London; New York, 1987, p.105-119.
- Hopkins K.** Death and Renewal. Sociological Studies in Roman History. Cambridge, 1983.
- Hopkins K.** The Age of Roman Girls at Marriage // Population Studies, 1965, no.12, p.309-327.
- Humbert M.** L'individu, l'Etat: quelle stratégie pour le mariage classique? In: J.Andreau et H.Bruhns (ed.). Parenté et stratégies familiales dans l'Antiquité romaine. Rom, 1990, p.173-198.
- Jacques F. et Scheid J.** Rome et l'intégration de l'Empire. 44av.J.-C. – 260 ap. J.-C. Paris, 1990.
- Kaplan M.** Agrippina semper atrox: A Study in Tacitus' characterisation of women. In: S.Deroux (ed.). Studies in Latin Literature and Roman History I. Bruxelles, 1980, p.410-417.
- Kornemann E.** Staaten, Völker, Männer. Aus der Geschichte des Altertums. Leipzig, 1934.
- Kornemann E.** Große Frauen der Altertums. Im Rahmen zweitausendjährigen Weltgeschehens. Wiesbaden, 1947 [1942].
- Kreck B.** Untersuchungen zur politischen und sozialen Rolle der Frau in der späten römischen Republik. (Diss.). Marburg; Lahn, 1975.
- Kuhn A.** Lawless Seeing. In: A.Kuhn. The Power of the Image. Essays on Representation and Sexuality. London; New York, 1985, p.19-47.
- Marquardt J.** Das Privatleben der Römer. 2 Bde. Leipzig, 1886.
- Meise E.** Untersuchungen zur Julisch-Claudischen Dynastie. München, 1969.
- Mette-Dittmann A.** Die Ehegesetze des Augustus. Eine Untersuchung im Rahmen der Gesellschaftspolitik des Princeps. (Diss.). Stuttgart, 1991.
- Moles J.L.** Truth and Untruth in Herodotus and Thucydides. In: C.Gill and T.P.Wiseman (eds.). Lies and Fiction in the Ancient World. Exeter, 1993, p.88-121.
- Momigliano A.** Ancient History and Antiquarian // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes, 1950, no.13, p.285-315.
- Moreau Ph.** Structures de parenté et d'alliance à Larinum d'après le Pro Cluentio // Colloques internationaux du CNRS. No.609, Les "bourgeoisies" municipales italiennes aux IIe et Ier siècles av.J.-C. Paris, 1983, p.99-123.
- Münzer F.** Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart, 1920.
- Paillet J.-M.** Les matrones romaines et le empoisonnements criminels sous la République // Académie des Inscriptones et Belles Lettres. Comptes rendus des séances de l'année 1987. Janvier-Mars, Paris, 1987, p.111-128.

- Salvadore M.** Due donne romane. Palermo, 1990.
- Salvatore A.** L'immoralité des femmes et la décadence de l'empire selon Tacite // Les Etudes Classique, 1954, v.22, p.254–269.
- Sandels F.** Die Stellung der kaiserlichen Frauen aus dem Julisch-Claudischen Haus. (Diss.). Gießen, 1912.
- Sattler P.** Iulia und Tiberius. Beiträge zur römischen Innenpolitik zwischen den Jahren 12 v. und 2 n. Chr. In: P. Sattler. Studien aus dem Gebiet der alten Geschichte. Wiesbaden, 1962, p.1–36.
- Schuller W.** Frauen in der römischen Geschichte. Konstanz, 1987.
- Scott J.C.** Domination and the Arts of Resistance. Hidden Transcripts. New Haven; London, 1990.
- Shackleton Bailey D.R.** Adoptive Nomenclature in the Late Roman Republic. In: D.R.Shackleton Bailey. Two Studies in Roman Nomenclature. New York, 1976, p.79–135.
- Shaw B.D.** The Age of Roman Girls at Marriage: Some Reconsiderations // Journal of Roman Studies, 1987, v.77, p.30–46.
- Sirago V.A.** Femminismo a Roma nel Primo Impero. Soveria, 1983.
- Strasburger H.** Die Wesensbestimmung der Geschichte durch die antike Geschichtsschreibung. Wiesbaden, 1975.
- Syme R.** Clues to Testamentary Adoption // Pubbl. dell'Istituto di epigrafia e ordine senatorio, 1982, no.4, p.397–410.
- Timpe D.** Geschichtsschreibung und Prinzipatsopposition. In: Entretiens sur l'Antiquité classique. Tome 33: Opposition et résistance à l'Empire d'Auguste à Trajan. Vandoevres-Genève, 1987, S.65–102.
- Treggiari S.** Roman Marriage. Justi coniuges from the Time of Cicero to the Time of Ulpian. Oxford, 1991.
- Veyne P.** L'Empire romain. In: Ph.Ariès et G.Duby (eds.). Histoire de la vie privée. V.1. De l'Empire romain à l'an mil. Paris, 1985, p.19–223.
- Wagner-Hasel B.** Rationalitätskritik und Wirklichkeitskonzeptionen. Anmerkungen zur Matriarchatsdiskussion in der Altertumswissenschaft. In: B.Wagner-Hasel (Hg.). Matriarchatstheorien der Altertumswissenschaft. Darmstadt, 1992, S.295–373.